

Балтрушайтис у Ремизова: арабески и сны

Людмила Спроге

Отделение европейских языков

Факультет гуманитарных наук

Латвийский университет, Рига

Department of European Languages

Faculty of Humanities

University of Latvia, Riga

E-mail: ls@lu.lv

<https://orcid.org/0000-0002-8418-418X>

<https://ror.org/05g3mes96>

Резюме. Статья посвящается восприятию образа литовского поэта и переводчика Юргиса Балтрушайтиса русским писателем Алексеем Ремизовым. Общение между этими литераторами было эпизодическим, близость их художественных миров не попала в поле зрения ни современников, ни, в дальнейшем, исследователей их творчества. Однако ряд сюжетов, построенных на восприятии жизненных коллизий, на проблеме писательского статуса, а также пересечение творческих практик (публикации в символистских изданиях, переводы, фиксация снов в художественных текстах) свидетельствуют о существующей лакуне в изучении возможных связей между художниками. Балтрушайтис интересен как персонаж текстов Ремизова. Чаще всего его образ появляется во «сне» – особом жанре, который соотносится со сновиденческими мотивами поэтического мира Балтрушайтиса. Создаются как бы две точки зрения на Балтрушайтиса как персонажа жизненного и художественного мира Ремизова: взгляд изнутри не творческой повседневности, рутины литераторских дел и взгляд из пространства креативной реальности, причудливых арабесок, снов, где обитает «счастливый Балтрушайтис».

Ключевые слова: Алексей Ремизов, Юргис Балтрушайтис, сон, характер, творческое сознание.

Baltrushaitis in Remizov's: Arabesques and Dreams

Abstract. The article explores the perception of the Lithuanian poet and translator Jurgis Baltrušaitis by the Russian writer Aleksei Remizov. Communication between the two writers was sporadic,

Received: 15/06/2025. Accepted: 08/08/2025

Copyright © 2025 Людмила Спроге. Published by Vilnius University Press

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original author and source are credited.

and the affinity of their artistic worlds went unnoticed by both contemporaries and later researchers studying their works. However, a series of narratives based on their interpretations of life's conflicts, their status as writers, as well as motifs of their creative practices (publications in Symbolist journals, translations, the recording of dreams in literary texts) point to an existing lacuna in the study of possible connections between the two artists. Baltrušaitis is intriguing as a character in Remizov's texts, most often in the form of a 'dream,' a special genre that resonates with the oneiric themes in the poetic world of Baltrušaitis. Two perspectives emerge in relation with Baltrušaitis as a figure of both Remizov's lived and artistic reality: the view from within the uncreative routine of literary life, and the view from the space of creative reality, filled with intricate arabesques and dreams, where the 'happy Baltrušaitis' dwells.

Keywords: Aleksei Remizov, Jurgis Baltrušaitis, dream, character, creative consciousness.

Baltrušaitis Remizovo kūryboje: arabeskos ir sapnai

Santrauka. Straipsnyje nagrinėjama, kaip lietuvių poeto ir vertėjo Jurgio Baltrušaičio įvaizdis buvo suvokiamas Aleksejaus Remizovo kūryboje. Nors rašytojų bendravimas tebuvo epizodinis, o jų meninių pasaulių artumo nepastebėjo nei amžininkai, nei vėlesni tyrėjai, tam tikri gyvenimo kolizijų sužetai, rašytojo statuso suvokimas, taip pat jų kūrybinių praktikų paralelės (publikacijos simbolistų leidiniuose, vertimai, sapnų fiksavimas meniniuose tekstuose) leidžia kalbėti apie tokių tyrimų spragą. Baltrušaitis įdomus kaip Remizovo tekstų personažas – dažniausiai jis pasirodo „sapne“, savitame žanre, kuriame esama sąlyčių su Baltrušaičio poezijoje išskylančiais sapnų motyvais. Remizovo tekstuose tarsi formuojasi du požiūriai į herojų: pirmasis – probleminė kasdienybė, literato rutininiai darbai; antrasis yra susijęs su kūrybinės realybės erdvės, keistų arabeskų ir sapnų pasaulio, kuriame gyvena „laimingasis Baltrušaitis“, vaizdavimu.

Reikšminiai žodžiai: Aleksejus Remizovas, Jurgis Baltrušaitis, sapnas, charakteris, kūrybinė sąmonė.

В своей монографии П. М. Лавринец цитирует поэта и журналиста Евгения Шкляра, передавая его впечатление от речи одного из русских эмигрантов в начале 1920-х гг. в Берлине: «суетливое, вычурное, но строгое слово А. Ремизова». (Лавринец, 2008, с. 132). Антиномия «вычурности» и «строгости» довольно необычна по отношению к фигуре речи писателя, обыкновенно отмечали ряд «чуждачеств» как в поведении Ремизова, так и в его языковых экспериментах¹, в частности, попытку подмены русской речи «обезьяньими знаками/звуками» и т.п.² Восприятие Шкляра двойственно, как и многое в рецепции писателя

1 Т. В. Цивьян прослеживает, как Ремизов пытался изменить взгляд на русский литературный язык (Цивьян, 2004, с. 154–166).

2 Негативное восприятие публикуемых в краткий берлинский период произведений, как правило, акцентировало «языковые фокусы» Ремизова (Спроге, 2015, с. 49–61).

современниками, но здесь акцентируется «строгость» речевого лада, который, как представляется, противопоставлен «салонности», то есть литературному жеманству.

В этой статье речь пойдет о «странных сближениях», о соединении по множеству причин несоединимых литераторов – Ю. К. Балтрушайтиса и А. М. Ремизова. Лучшей проекцией в область этой проблематики, думается, являются методические стратегии Н. А. Богомолова, исследовавшего реальное сосуществование творческих личностей в истории, которое он обозначил как «сопряжение далековатых». (Богомолов, 2011, с. 6–23; 144–153). Именно в свете подобного «сопряжения» и предлагается заявленная проблематика статьи. В ремизоведении в рамках темы «Ремизов и ...» сочленение имен Балтрушайтиса и Ремизова не выделялась в особый смысловой ракурс. И если проблематика исследований «Ремизов и Блок», «Ремизов и Брюсов» «Ремизов и Сологуб», а также недавняя статья «Ремизов и А. Толстой»³ уже имеет свою историю и к настоящему времени успела, обрстая новыми фактами, стать классикой, то соединение имен двух москвичей, носителей новой смысловой эмблематики, публикующихся вместе в символистских изданиях, только начинает обретать некоторые сюжетные контуры.

Присутствие Балтрушайтиса в текстах Ремизова можно сравнить со сложным вербальным орнаментом, «арабесками», которые структурируют такую причудливую и многосоставную повествовательную композицию как «Взвихренная Русь». Коллажная структура⁴ этого произведения, где границы сна и яви диффузны, где фигуры речи вкуче с их произносящими образуют сложный калейдоскоп, позволяют увидеть одного из ремизовских современников «подстриженными глазами» автора этой хроники. Получается, что Балтрушайтис в литературной биографии Ремизова – начало начал: «Первая изданная книга моя – перевод мой в сотрудничестве с Всеволодом Мейерхольдом и Юргисом Балтрушайтисом книги Альфреда Роде “Тауптман и Ничше <так!> Москва 1902» (Ремизов, 2000, т. 10, с. 201).

Все годы жизни Ремизова в России то приближают, то отдаляют от него Балтрушайтиса, но последний в виртуальном календаре автора «Взвихренной Руси» всегда зрим и осязаем. Когда в 1918-м г. в Наркомпросе образовался ТЕО (театральный отдел), то кроме Вяч. Иванова, В. Брюсова, К. Бальмонта и

3 А. С. Урюпина в статье 2025 г. отчасти продолжает ряд публикаций на эту тему, уточняя датировки писательского диалога в 1908–1922 гг. (Урюпина, 2025, с. 222–235).

4 Более подробно об особенностях архитектоники и композиции этого произведения Ремизова см.: (Лавров, 2000).

Вл. Ходасевича там оказались и Балтрушайтис с Ремизовым: первый заведовал репертуарной секцией, второй – историко-театральной. В 1920–1921 гг. Балтрушайтис возглавляет профессиональный союз российских писателей, являясь в то же время постоянным представителем Литвы в Москве. Его помощь российским деятелям культуры в начале 1920-х гг. трудно переоценить. Именно Балтрушайтис содействовал отъезду семьи Ремизова за границу. В «Русском Берлине» судьба вновь сводит обоих литераторов. Ремизов был хорошо знаком с женой литовского дипломата Марией Ивановной Балтрушайтене, из рода московских купцов Оловяшниковых, которые были известны не менее родственников матери Ремизова, купцов Найденовых. Писатель знал и сына поэта, тоже Юргиса, будущего известного искусствоведа, встречался с ним неоднократно в Париже и был наслышан о трагическом случае в семье поэта⁵.

С конца 1939 г. вплоть до смерти Балтрушайтиса в 1944-м оба писателя обитают в Париже. Тревожное время не располагает к общению между ними, и о ранении Ремизова и его жены, и о смерти литовского дипломата узнается из газет.

Перечисленные выше факты, внешние, так сказать, контуры, связывающие два литературных имени России, достаточно известны. В меньшей мере внимание литературоведов было привлечено к Балтрушайтису как персонажу в текстах Ремизова.

В книге Ремизова «Иверень. Загогулины моей памяти» в разделах «Розовые лягушки. Мое вступление в литературу» и «Москва. Аделаидин цвет» рассказано о подступах к литературным газетам и журналам политического ссыльного, полулегально приехавшего из Вологды в Москву. Так начинает Ремизов свое повествование о «бедовой доле», о превратностях писательской судьбы. В Москве начинающий литератор, пораженный в правах за революционную деятельность, стремится познакомиться с двумя «демонами», властителями дум целого поколения – поэтом В. Брюсовым и прозаиком Л. Андреевым. Демонизм поэта был увековечен портретом Врубеля и, как считает Ремизов, «было два Брюсова – домашний, – упорный читатель книг, без врубелевского безумства и

5 В 1923 г. двадцатилетний сын поэта, восторженный спортсмен-любитель «воздухоплавания», потерпел аварию в Ковно. Как явствует из переписки О. М. Гершензона с Л. И. Шестовым, катастрофа с аэропланом была ужасной: «На днях к тебе должна явиться М. И. Балтрушайтис, она расскажет тебе про Москву. Она везет сына для операции. Он год назад [...] был страшно исковеркан: нос вдавило внутрь, нёбо треснуло, левая рука сломана. Год лечат его, теперь в Париже хотят оперировать руку» (Гершензон, 1992, с. 299). Черед операций и длительное лечение были эффективны, и юный Балтрушайтис постепенно оправился.

другой – Брюсов московского Художественного кружка, напоказ старавшегося оправдать свое «демонство». На одной из встреч в Художественном кружке среди писателей, окруживших Брюсова, мэтра московских символистов, был переводчик Ст. Пшибышевского некто Семенов, пересказавший со слов Балтрушайтиса, «как накануне у Леонида Андреева были все великие: Горький, Скиталец, Шаляпин, Бунин». Ремизов воспроизводит свою реакцию на этот пересказ: «Каким счастливым показался мне Балтрушайтис!» (Ремизов, 2000, с. 472). Далее следует рассказ о новом журнале Мережковских «Новый путь», о поездке Брюсова в Петербург для участия в издании первого номера этого журнала. Реплика Ремизова повторяется: «Каким счастливым показался мне Брюсов: едет в Петербург к Мережковским. На другой день я уехал в Вологду». (Там же). Вот эта аналогичность «литературного счастья» и читательского признания произвела на пораженного в правах Ремизова сильнейшее впечатление. Сопряжение двух «счастливицев», обладающих высоким писательским статусом, останется в его творческой памяти навсегда. Более того, на фоне его литературных неудач и тяжких сомнений оно будет способствовать кристаллизации «авторского мифа»⁶, вошедшего в его многочисленные произведения. Заметим, что знаменитая книга К. Бальмонта «Будем как солнце» (1903) открывалась лестным посвящением, где среди друзей автора были и два ремизовских «счастливица»: «Посвящаю эту книгу, сотканную из лучей, моим друзьям, чьим душам всегда открыта моя душа – брату моих мечтаний, поэту и волхву, Валерию Брюсову, [...] угрюмому, как скалы, Ю. Балтрушайтису...» (Бальмонт, 1903, с. 3). Вспоминая это время, Ремизов отмечал:

Для «мира и города» имя символисты останется впусе. И только потом, когда начнется история – в революцию – через двадцать пять лет, обозначится твердо «символизм», [...] а до истории будет ходовым одно название «декадентство» – «декадент», «декадентщина» (уродливое и пестрое): под эту кровлю все поместится с Брюсовым – и Бальмонт, и Балтрушайтис, и Гиппиус, и Сологуб, и Андрей Белый и я.
(Ремизов, 2000, т. 8, с. 242)

- 6 А. М. Грачева глубоко исследует эту особенность ремизовского художественного почерка: «Случайные или спровоцированные самим писателем обстоятельства его жизни (долго некорректируемая сильная близорукость, перелом носа – т.е. физические недостатки; перевод из гимназии в Коммерческое училище, исключение из университета – т.е. отсутствие высшего образования традиционного классического типа; участие в революционном движении, связанные с этим аресты и ссылки, – т.е. перенесение страданий и обретение навыков конспирации) привили к формированию у Ремизова ряда комплексов, способствовали выработке устойчивых защитных реакций и, в итоге, оказали влияние на формирование авторского мифа. [...] Это имело и обратную сторону – уразумение своей необычности, избранничества [...] был создан образ писателя-чудака» (Грачева, 2006, с. 141).

Почему же мэтры новой школы так долго не замечали его?! Ошеломившая Ремизова загадка, почему ни в «Северных Цветах», ни в «Весах» «весь мой шурум-бурум» не принимают, ньюансируется в сюжетах, так или иначе затрагивающих вопросы писательского статуса и литературной иерархии как в России, так и в эмиграции. В начале века Ремизов сокрушался, отчего рассказ датчанина Ааге Маделунга⁷ «Сансара» в его литературной обработке приняли для публикации, а его собственное оригинальное произведение было отвергнуто, осталось «безответно»? Оказывается, три литературных небожителя, открыватели новых эстетических истин Брюсов, Бальмонт и Балтрушайтис, в отличие от Ремизова, – «европейцы»:

И тут загадка разрешилась. Брюсов, возвращая мне мои рукописи, [...], широко разиня рот – я очень помню эту красную пасть: 'Нам не подходит, – сказал он, – на нашем сером (я понял 'европейском') это ваше русское – заплата: кусок золотой парчи' [...] И тут я вспомнил Видоплясова, его галстук 'аделаидин' цвет. Так повелось: все, что хотите, только чтобы звучало 'аграфенино' на иностранный лад. Известно: Аделаида, по крайней мере, иностранное имя, облагороженное, а Аграфеной (неприличное имя) могут назвать всякую последнюю бабу...

(Там же, с. 473)

Проясняя этот эпизод посредством контекста «Села Степанчикова и его обитателей» Ф. М. Достоевского, автор оттеняет свое изгойство в литературном мире⁸. В московском литературном кругу он чувствует себя отчужденным, и природа этой «чуждости» – несчастливая судьба, которая становится маркировочным знаком в поздних книгах Ремизова, где приводится ряд «счастливых» для того, чтобы оттенить свое «несчастье», обиду на несправедливое обозначение – «не писатель, а списыватель» (Грачева, 2010, с. 168–169).

В том мире, который воссоздает Ремизов, иерархические уровни очень важны: если Брюсов и Балтрушайтис – «счастливые» (их присутствием в литературе обусловлена новая эстетическая формация, они – поэты модерна, несмотря на строгую классичность стиховой стилистики поэтических книг Балтрушайтиса; они влияют на векторы новых тенденций в культуре), то

7 В транскрипции Ремизова – Ааге Маделунг или (в письмах) Агей Андреевич.

8 Мемуарный образ Брюсова зафиксирован у Ремизова своеобразно. В очерке «Аделаидин цвет. Валерий Брюсов. 1873–1924» «эстетство» и поза вождя московских декадентов сравнивается с речевой манерой лакея Видоплясова, называвшего темно-синий цвет «аделаидиным». Таким образом, два имени Аделаида («иностранное, облагороженное») и Аграфена («неприличное», плебейское) аллегорично свидетельствуют о несовместимости двух творческих миров. См.: (Лавров, 1994, с. 137–217).

Ремизов, – сомнительный писатель, по самооценке – юродивый. Подобная характеристика сформировалась как одна из важных стратегий самоописания – оскорбленный и униженный сочинитель, свидетель важных событий в культуре Серебряного века. В эмигрантский период творчества «подробности» в созидании биографической формулы приобретают абсолютную важность, ценно все, даже такая отдаленная от него фигура, как Балтрушайтис. Раз и навсегда установленное *reputée* писателя-изгоя, которого мир не принимает, многократно развеивалось современниками, хорошо знавшими Ремизова⁹. Тем не менее матрица персонажа уже была создана и многократно повторена и в художественных текстах, и в снах¹⁰.

Сны Ремизова, которые он публиковал и в периодических изданиях, вызвали взрыв недовольства и обид, если увиденная во сне известная персона представляла в неподобающем виде. Однако это лишь придавало сновидцу творческий задор. На предложение дать материал в первый номер выходящей с 1925 г. рижской газеты «Слово» он ответил тем, что предоставил свои литературные сны¹¹. Сновидения заняли целую полосу в новом издании, хотя газеты и журналы неохотно брали подобный материал, и Ремизов нередко безуспешно пытался опубликовать их, заверяя, что «сны никому не обидные» (Обатнина, 1999, с. 423).

В гипнологических сюжетах книг, изданных в эмиграции, Балтрушайтис не частый гость, но в фиксации обыденного и фактического он – попутчик «по вертикалям сна» рассказчика, сотрапезник за столом. Активность его присутствия соотносится с недавними катаклизмами – войной и революцией. В книге «Взвихренная Русь» сны образуют 36 пронумерованных главок из раздела «Деревня». Заключительный сон фиксируется Ремизовым несколько раз (уже в других книгах, где меняются и персонажи, и антураж), но сам герой предстает в неизменном ореоле сна:

XXXVI

– – обедали с Ю. К. Балтрушайтисом на Курском вокзале.

9 См., например, у В. С. Яновского: «[ему] совсем не жилось хуже, чем другим писателям его поколения. Он занимался исключительно своим любимым делом. Издавался Ремизов изрядно: во всяком случае, не меньше Зайцева, Цветаевой или Шмелева. Так что его беда являлась частью общей эмигрантской беды» (Яновский, 1993, с. 187).

10 Снам в творчестве Ремизова посвящена обширная литература. Для содержания данной статьи наиболее важными являются работы Т. В. Цивьян (Цивьян, 1993) и Анны Возняк (Woźniak, 2022, s. 38–44).

11 «Слово» (Рига), 1925, № 1. 11 ноября. С. 3.

*Тут был и Гершензон и Рачинский и Бердяев и Шестов – весь столп московский.
А потом попали в какой-то дом – и полезли наверх, уж лезли-лезли, едва ноги идут,
а поднялись на какую высоту – не знаю, очень высоко! А спустились сразу.*

А нам говорят:

«Вы попали в публичный дом!»

Вот тебе и раз!¹²

(Ремизов, 2000, т. 5, с. 118)

По сути, это фиксация сна из дневниковой записи от 9 июля 1921 г.: «Ви-дел со сне Балтрушайтиса» (правда, в дневнике в окружении брата писателя Н. М. Ремизова и Л. М. Добронравова) (Там же, с. 465).

Как только имя Балтрушайтиса попадает в орбиту художественного текста, оно моментально мифологизируется, становясь ремизовским персонажем, переходя из текста в текст, способствуя развитию мифопоэтического вектора:

*А жалко мне стало туманного пасмурного утра. Я стою
на лугу около леса. Кукушка кукует и звонит монастырский
колокол.*

*Это было очень давно под Звенигородом в Спасо-Сторожевском
монастыре, где мы, странствуя, останавливались.*

Вот чего мне жаль – расставаться не хочется.

Не веришь, – Кукушка и там кукует. Балтрушайтис лет 10 мне вез из

Швейцарии часы с кукушкой, да так и не довез. Но все равно и там кукушка.

(Там же, с. 499)

«Часы с кукушкой», которые якобы Балтрушайтис не довез, коррелируют со знаменитой «кукушкиной комнатой» – гостиной-кабинетом в парижской квартире Ремизова, упомянутой многими мемуаристами. Почему «кукушкиной»? Из-за часов с кукушкой, которые стали философским нарративом в одном из парижских стихотворений Балтрушайтиса:

Часы с кукушкой

*Ты все ходишь, маятник железный,
То с суровой кротостью, то гневно –
Над сокрытой вековечной бездной,
Над земной былинкой однодневной...*

12 Пунктуация Ремизова. Примечательно, что имя Балтрушайтиса дано с инициалами, т.е. нормативно, остальные названы лишь по именам, как «живое окружение» обедающих.

*Вот кукушка, раскрывая дверцу
В мир, пряduщий смертный страх и веру,
Возвещает трепетному сердцу
В круге жизни приговор и меру...*

*От удела скудости – к избытку,
От расцвета – в прах и снова к цвету –
Ты влечешь на пиршество и пытку
По укладу жизни и обету...*

*От свободы – к плачу доли пленной –
Так! Аминь цветам земли и горю –
В них я тайной благодати вселенной
Песней сердца, песней Духа вторю...*
(Балтрушайтис, 1989, с. 246)

Примечательно, что в первых поэтических книгах Балтрушайтиса¹³ пространство сна довольно значимо. «Иная реальность» проступает в стихах, имеющих помету «посвящения / послания» К. Бальмонту, В. Брюсову, Вяч. Иванову, А. Скрябину и др. Ремизов в этом поэтическом списке нет, но онирические темы поэта близки Ремизову-сновидцу, особенно мотив «жизнь моя – стояние над бездной» (Там же, с. 22), а также неоднократно повторяющийся мотив «сна», вбирающего в себя событийную суть, как в описании 15-го сна из «Взвихренной Руси»:

– речь шла о клятве и присяге; в нарушении клятвы и заключалась вся суть событий – вся революция. И я попал в какое-то училище, и там учат гимнастике: учит Балтрушайтис, а распоряжается Брюсов. И меня заставили прыгать через «кобылу». Мне очень трудно, а прыгаю. И вдруг появляется Вячеслав Иванов и торжественно объявляет: «Урок кончился! Сейчас начнут делать прививку комариную!»
(Ремизов, 2000, т. 5, с. 94)

Найдя ключ к фиксации персонажа сновидения, Ремизов стремиться воплотить сложность визуального на вербальном уровне – не додумывая сон, а наоборот, – минимизируя облик изображаемого, сводя его к функциональной «биографии», отраженной в Обезьяньей грамоте Великой и Вольной Палаты: «Кавалер Первой Степени с Обезьяньим глазом Ю. Балтрушайтис»¹⁴.

13 Книги «Земные ступени» и «Горную тропу» Ремизов знал.

14 К сожалению, до сих пор неизвестны материалы личного архива Ю. К. Балтрушайтиса, а потому «обезьянья» грамотка и в целом отношение к жизнетворческой игре в ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ сегодня ограничиваются опубликованным Е. Р. Обатниной списком (Обатнина, 2001, с. 15).

Литература

- Балтрушайтис, Ю.К., 1989. *Лилия и Серп. Стихотворения*. Москва: Художественная литература.
- Бальмонт, К.Д., 1903. *Будем как Солнце. Книга символов*. Москва: Скорпион.
- Гершензон, М.О., 1992. Письма к Льву Шестову (1920–1925). *Минувшее. Исторический альманах*, 6. Москва: Феникс.
- Грачева, А.М., 2006. Борьба за статус писателя в литературной иерархии и тактика самозванства (По материалам архива А. М. Ремизова). *Блоковский сборник XVII. Русский модернизм и литература XX века*. Тарту, с. 139–149.
- Грачева, А.М., 2010. *Жанр романа и творчество Алексея Ремизова (1910–1950-е годы)*. Санкт-Петербург: Пушкинский Дом.
- Лавринцев, П.М., 2008. *Евгений Шкляр. Жизненный путь скитальца*. Вильнюс: Издание Вильнюсского университета.
- Лавров, А.В., 1994. Переписка с А. М. Ремизовым (1902–1912). *Валерий Брюсов и его корреспонденты. Книга вторая. Литературное наследство*. Москва: Наука. Т. 98, с. 137–222.
- Лавров, А.В., 2000. «Взвихренная Русь» Алексея Ремизова: символистский роман-коллаж. *Ремизов, А.М. Собрание сочинений*. Москва: Русская книга. Т. 5, с. 544–556.
- Обатнина, Е.Р., 1999. А.М. Ремизов: житнетворчество *entre chien et loup*. *Канун: Альманах*, вып. 5: *Пограничное сознание*. Санкт-Петербург, с. 397–425.
- Обатнина, Е.Р., 2021. А.М. Ремизов в борьбе за «сон»: материалы к творческой биографии. *Русская литература*, № 1, с. 161–169.
- Ремизов, А.М., 2000. *Собрание сочинений*. Москва: Русская книга. Т. 5, 8, 10.
- Спроге, Л.В., 2015. Гонение на ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ: А.М. Ремизов в русских изданиях Риги. *Rusistica Latvientis* 5. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, с. 49–61.
- Цивьян, Т.В., 1993. О ремизовской гипнологии и гипнографии. *Серебряный век в России. Избранные страницы*. Москва: Радикс, с. 299–338.
- Цивьян, Т.В., 2004. Русский литературный язык: «случай Ремизова». *Ремизов и Голландия. Переписка с Б.Н. Рапчинским: (1947–1957)*. Москва: Наука, с. 154–166.
- Урюпина А.С., 2025. Алексей Толстой и Алексей Ремизов: к истории отношений. *Studia Litterarum*. Т. 10, № 2, с. 222–235. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-2-222-235>
- Яновский, В.С., 1993. *Поля Елисейские*. Санкт-Петербург: Пушкинский фонд.
- Woźniak, A., 2022. *Dwa światy. Sny i motywy oniryczne w literaturze rosyjskiej XIX–XX wieku*. Lublin: Wydawnictwo Werset.

References

- Baltrushaitis, Yu.K., 1989. *Liliya i Serp. Stikhotvoreniya*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
- Bal'mont, K.D., 1903. *Budem kak Solntse. Kniga simvolov*. Moscow: Skorpiion.
- Gershenzon, M.O., 1992. Pis'ma k L'vu Shestovu (1920–1925). In: *Minuvshee. Istoricheskii al'manakh*, 6. Moscow: Feniks.
- Gracheva, A.M., 2006. Bor'ba za status pisatelya v literaturnoi ierarkhii i taktika samozvanstva (Po materialam arkhiva A.M. Remizova). In: *Blokovskii sbornik XVII. Russkii modernizm i literatura XX veka*. Tartu, pp. 139–149.

- Gracheva, A.M., 2010. *Zhanr romana i tvorchestvo Alekseya Remizova (1910–1950-e gody)*. St. Petersburg: Pushkinskii Dom.
- Lavrinet, P.M., 2008. *Evgenii Shklyar. Zhiznennyi put' skital'tsa*. Vilnius: Izdanie Vil'nyussskogo universiteta.
- Lavrov, A.V., 1994. Perepiska s Remizovim (1902–1912). In: *Valerij Briusov i ego korrespondenti. Kniga vtoraja. Literaturnoe nasledstvo*. Moscow: Nauka. Vol. 98, pp. 137–222.
- Lavrov, A.V., 2000. «Vzvikhrennaya Rus'» Alekseya Remizova: simbolistskii roman-kollazh. In: *Remizov, A.M. Sobranie sochinenii*. Moscow: Russkaya kniga. Vol. 5, pp. 544–556.
- Obatnina, E.R., 1999. A.M. Remizov: zhiznetvorchestvo entre chien et loup. In: *Kanun*. Almanac, iss. 5: *Pogranichnoe soznanie*. St. Petersburg, pp. 396–425.
- Obatnina, E.R., 2021. A.M. Remizov v bor'be za «son»: materialy k tvorcheskoi biografii. *Russkaya literatura*, No 1, pp. 161–169.
- Remizov, A.M., 2000. *Sobranie sochinenii*. Moscow: Russkaya kniga. Vol. 5, 8, 10.
- Sproge, L.V., 2015. Gonenie na OBEZVELVOLPAL: A. M. Remizov v russkikh izdaniyakh Rigi. *Rusistica Latvientis*, No 5. Riga: LU Akadēmiskais apgāds, pp. 49–61.
- Tsiv'yan, T.V., 1993. O remizovskoi gipnologii i gipnografii. In: *Serebryanyi vek v Rossii. Izbrannye stranitsy*. Moscow: Radiks, pp. 299–338.
- Tsiv'yan, T.V., 2004. Russkii literaturnyi yazyk: «sluchai Remizova». In: *Remizov i Gollandiya. Perepiska s B.N. Rapchinskim: (1947–1957)*. Moscow: Nauka, pp. 154–166.
- Uriupina, A.S., 2025. Aleksej Tolstoj i Aleksej Remizov: k istorii otnoshenij. *Studia Literatum*. Vol. 10, No 2, pp. 222–234. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-2-222-235>
- Woźniak, A., 2022. *Dwa światy. Sny i motywy oniryczne w literaturze rosyjskiej XIX–XX wieku*. Lublin: Wydawnictwo Werset.
- Yanovskii, V.S., 1993. *Polya Eliseiskie*. St. Petersburg: Pushkinskii fond.